

Евгений Карнович

Раніе Kochanku

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Очерки и рассказы из старинного быта Польши

ЕВГЕНИЙ Карнович

Panie Kochanku

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Раніе Kochanku / Е. П. Карнович — «Public Domain»,
1873 — (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

«Низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся ещё иноземному влиянию и следовавшая дедовским обычаям, видела в Радзивилле представителя старого времени, следовательно и представителя своих коренных прав и наследственных преданий. По этому самому, виленский воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такую популярность, какой, вероятно, никому, никогда и нигде не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не знал бы о „Раніе Kochanku“ и не любил бы его. Предание о нём живёт и доньше...»

Евгений Петрович Карнович Panie Kochanku

Около половины прошедшего столетия, старинный домашний быт в Польше и в Литве начал исчезать слишком заметно. Иноземные обычаи и иноземный образ жизни, усвоенные первоначально только королевским двором и самыми знатными панями, проникали мало-помалу и в другие сословия.

В это время при дворе короля польского подражательность французам развилась уже до такой степени, что как казалось, при этом дворе напудренные версальские придворные были скорее на своём месте, нежели одетые в кунтуш чубатые воеводы – виленский Радзивилл и киевский Потоцкий. Оба они, придерживаясь старопольских обычаев, казались уже какими-то чудачками среди офранцузившихся польских царедворцев, – в особенности же Радзивилл, который, и по своему личному характеру и по образу своей жизни, был представителем старинной польской народности, уже исчезнувшей в кругу перерождённых магнатов.

Между тем низшая польская и литовская шляхта, не поддавшаяся ещё иноземному влиянию и следовавшая дедовским обычаям, видела в Радзивилле представителя старого времени, следовательно и представителя своих коренных прав и наследственных преданий. По этому самому, виленский воевода пользовался между польскою, и особенно между литовскою шляхтою, такую популярность, какой, вероятно, никому, никогда и нигде не удавалось достигнуть. Не было ни поляка, ни литвина, который не знал бы о "Panie Kochanku" и не любил бы его. Предание о нём живёт и донныне.

Все называли князя Карла Радзивилла, воеводу виленского, ни по княжескому его титулу, ни по его крёстному имени, ни по его знаменитой фамилии, ни по его воеводскому званию, но означали его обыкновенно словами: "Panie Kochanku"; это значит почти то же самое что по-русски: "мой любезнейший!" Прозвище это дали Радзивиллу потому, что он, обходясь со всеми, по старопольскому обычаю, запанибрата, говорил всем и каждому, а в том числе даже и самому королю – "Panie Kochanku"!

Придерживаясь польской старины, Радзивилл уже по одному этому не мог быть в ладу с последним польским королём, Станиславом Августом Понятовским, бывшим скорее иностранцем, нежели поляком, переписывавшимся с Вольтером и умевшим приобрести себе корону не единодушным выбором шляхты, но посредством чужеземного влияния.

При вступлении Понятовского на престол, Радзивилл составил было конфедерацию, но король одолел её, и предводитель уничтоженной конфедерации подвергся изгнанию из отечества. При таких обстоятельствах, Карлу Радзивиллу, владельцу двухсот тысяч душ и несметных радзивилловских богатств, накопленных веками, угрожала самая печальная участь: он должен был из богача-магната обратиться в бедняка-странника.

Но любовь шляхты к Радзивиллу спасла его от этой горькой участи; потому что, как только сделался известен приверженцам Радзивилла состоявшийся над ним приговор, они тотчас на общей сходке постановили: взять от казны за собою в аренду все описанные имения Радзивилла за самую ничтожную плату. Никто не смел состязаться с многочисленными приятелями Радзивилла, называвшимися албанчиками и отличавшимися неограниченной отвагой, и потому все описанные имения изгнанника перешли в руки его горячих приверженцев, которые постановили между собою – посылать ему полугодовой доход со всех его имений, заарендованных ими.

Между тем Радзивилл, принуждённый оставить родную Литву, странствовал на чужбине; и куда он только ни являлся – в Стамбул ли, в Венецию ли, в Рим ли, – всюду ожидали его у местных банкиров огромные суммы, переведённые албанчиками на его имя. Поддерживаемый дружбою своих приверженцев, Радзивилл удивлял всех иностранцев своею непомерною рос-

кошью; а между тем они, зная о судьбе изгнанника, по-видимому лишённого всего, не могли никак объяснить себе источников его изумительного богатства. И поэтому мало-помалу распространилась за границею молва, будто Радзивилл обладает каким-то волшебным, неразменным червонцем, величиною с жерновой камень, доставшимся ему по наследству.

Странствуя из одной страны в другую, в ожидании возможности вернуться на родину, Радзивилл и на чужбине хотел сохранять родные обычаи; поэтому, однажды, находясь в Венеции, он устроил так называемые у поляков "свенцёны".

Свенцёнами у поляков называется холодная закуска, выставляемая, как и у нас, на стол в течение Светлой недели; только надобно заметить, что польские свенцёны далеко превосходят подобные наши закуски, и по обилию, и по разнообразию.

Устроив свенцёны, Радзивилл пригласил к себе светлейшего дожа и всех сенаторов, и изумил всех своих гостей необыкновенною вместимостью польского желудка, потому что в то самое время, когда итальянцы, с ужасом посматривая на слишком тяжёлые и слишком жирные кушанья, обходили их и прикасались только к маслу и к макаронам, Радзивилл показывал своим воздержным гостям образец литовского аппетита, истребляя в изумительном количестве и жгучую водку, и жирную ветчину, и аршинные колбасы и пр. и пр.

Благоразумный правитель Венецианской республики опасался дурных последствий невиданного им до того времени обжорства, и по совещанию с превосходительными сенаторами прислал тотчас же, после своего возвращения во дворец, двух самых искусных докторов, которые должны были, сохраняя самое строгое инкогнито, оставаться настороже в палаццо, занятом Радзивиллом, на случай болезненных припадков знаменитого гостя, после описанной закуски.

Само собою разумеется, излишне было бы говорить, что опасения светлейшего дожа и сената были совершенно напрасны. Можно только добавить, что если Радзивилл умением выпить и плотно закусить изумлял итальянцев, то он этими же самыми качествами приобретал себе особенное расположение своих соотечественников: у них в то время крепкая против водки голова и вместительный желудок, – эти две необходимые принадлежности гостеприимного хозяина, обязанного давать пример своим гостям, – считались вообще не последними достоинствами порядочного человека.

Проведя несколько лет в изгнании, Радзивилл получил наконец позволение возвратиться на родину, и с этого времени началась его необыкновенная популярность.

Осуждая вообще польских магнатов последнего времени за их холодное равнодушие к благу родины, за их стремление отделиться от общей массы народа, за предпочтение ими их собственного довольства и честолюбия прямым потребностям погибавшей отчизны, за своеволие их с низшими своими собратьями, – нельзя не сказать, что князь Карл Радзивилл составлял среди подобных личностей совершенное исключение. Он был образец богача, жившего не столько для себя, сколько для других, К чести Радзивилла надобно сказать также и то, что в то время, когда современные ему магнаты отдавали, из корыстных видов, своих бедных холопов в жертву жадным арендаторам, Карл Радзивилл постоянно думал о благе подвластных ему крестьян, и малейшую обиду, малейшее притеснение, оказанные кому-нибудь из них, он уже считал лично сделанным ему оскорблением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.